

ИРМАТА АРЪЯР

16+

АЛЬФА ДРАКОНИС

ЗОЛОТКО

В КОСМОСЕ,
ИЛИ #ДЕРЖИ_ВЕДЬМУ

Альфа Драконис

Ирмата Аръяр

**Золотко в космосе,
или Держи ведьму**

«Автор»

2022

Арьяр И.

Золотко в космосе, или Держи ведьму / И. Арьяр — «Автор»,
2022 — (Альфа Драконис)

Если тебя похитили дракониды, не стоит впадать в панику, тем более если ты – курсант Космической академии и потомственная ведьма. План действий таков: узнать, почему и зачем именно ты понадобилась звездным повелителям, чего от тебя хотят, и... сделать все наоборот! Что, им не нравится? Ха! Похититель еще плохо понимает, с кем связался. Мы, ведьмы, за свое крепко держимся, будь это честь, родовые сокровища или... оставшийся на Земле случайный жених. Вторая книга цикла «Альфа Драконис». Первая: «Золотко и дракон, или Не зли ведьму».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирмата Арьяр

Золотко в космосе, или Держи ведьму

Глава 1

Выходить из анабиоза непросто. Сознание возвращается урывками, с длинными паузами. Но в какой-то момент глаза открываются, плоская мешанина красок становится объемной 3d картинкой окружающего безобразия, мозг включается и задается вопросами. Кто я? Где я? И что здесь делаю?

Ответы, как ни странно, приходят в обратном порядке.

Лежу. Голая. В чудной стеклянной капсуле, наполненной прозрачной жидкостью, по ощущениям похожей на глицерин, только куда плотнее.

И я совсем не русалка, а человек по имени Василиса Олеговна Пасная, курсант третьего курса Грендонской космической академии.

И скорее не лежу, а плаваю в анабиозном желе.

Дышу через кислородную маску, руки и ноги не шевелятся. Возможно, зафиксированы, как в операционной. А на коже плотно сидят присоски с трубками, выходящими за пределы прозрачного аквариума. Они отражаются в изогнутых стенках моего саркофага.

Сквозь стенки видно плохо: помещение погружено в полумрак. В пределах видимости светились лишь экраны на стене, но изображения на них расплывались, как свет фонарей под ночным дождем.

Анабиозная камера отличалась от тех образцов, которые нам показывали в академии, но не настолько, чтобы не опознать.

Почему я здесь – вопрос без ответа. Последнее, что помнилось, – это как драконид Аррадор тащил меня по отсекам небольшого планетарного корабля. Но на таких челноках не бывает анабиозных камер, только медицинские боксы первой помощи. Что же со мной случилось?

Голова пустая и звенит, как колокол – непрерывно и гулко.

И лишь через какое-то время я осознаю, что колокол звенит не по-русски, на каком-то непривычном рокочущем языке, и я его понимаю. И вовсе это не колокол издает звуки, а наушники, закупорившие уши.

«Для закрепления материала мы повторим конспективно лекцию об иерархии Галактической Империи Эретар, или, по второму официальному названию – Дома Золотой ветви. Система иерархии в Империи не меняется вот уже два миллиона лет...»

Я резко дернула головой. Наушник выскочил, и ухо закупорилось желеобразной массой. От неприятного ощущения я снова непроизвольно дернулась. От кожи отлипли присоски, жидкость в капсуле помутнела, видимость ухудшилась.

Появившийся высокий звук сирены я услышала всей кожей.

Через мучительно долгое время сирена оборвалась. В помещении вспыхнул свет. Я услышала шипящий звук, с каким открываются изолированные отсеки на кораблях, в бомбоубежищах или в полностью защищенных операционных, и на капсулу упала тень: кто-то вошел.

И я сразу ощутила свою наготу – словно по мне проползла отвратительная мохнатая гусеница, которой мир интересен исключительно гастрономически.

Потом включился насос, отсасывающий анабиозную массу, а когда ее не осталось, крышка треснула по шву и отошла.

– Реанимационный период закончен, – оповестил механический голос на чужом языке, который, тем не менее, я отлично понимала.

– Добро пожаловать на мой корабль, аль-дэй Василиса, – на чистом русском языке и даже без акцента произнес незнакомый мужской голос. – Как вы себя чувствуете?

Я слегка, насколько позволяли трубки надетого на голову шлема, повернула голову вправо, на звук. Он серьезно ждет, что я ему отвечу с маской на морде лица и воздуховодом в гортани?

– Я знаю, вы меня слышите и понимаете, аль-дэй Василиса, – голос приблизился, но я видела лишь смутное пятно. Зрение почему-то не фокусировалось на предмете. – Энцефалограмма фиксирует активность вашего головного мозга. Счастлив первым поздравить вас с возвращением в мир, – он сделал паузу. Как робот, ждущий запрограммированной реакции.

Но ее не последовало. Моим единственным желанием было прикрыться хотя бы простынкой и посетить дамскую комнату.

Незнакомец продолжил рассказывать, безэмоционально, как по бумажке:

– Вы находитесь на флагманском корабле, я – его капитан, обращаться ко мне можно по имени и званию: ди-вир Эмбор. Мы приближаемся к цели нашего полета, поэтому система жизнеобеспечения вывела вас из состояния анабиоза. Сейчас наш корабельный врач, ру-вир Хорг, проверит ваше состояние, а ваша личная помощница, ру-тай Дирири, поможет одеться и освоиться.

Очень все... странно. В том числе имена. Корабль? Полет? Если я была в анабиозе, то... сколько? Но мысли были вялые, как спящие глубоководные рыбы.

Отчитавшись, капитан покинул помещение – я услышала удаляющуюся тяжелую поступь и шипение опускающейся двери отсека. Надеюсь, теперь меня оденут.

Действительно, подошли два существа, повыше и пониже, оба в белых костюмах с золотыми нашивками, в намордниках. То есть, наверное, так выглядят их медицинские маски. Трудно сказать, кто из них мужчина, а кто женщина – у обоих были длинные заплетенные косы, перехваченные плотными повязками.

Пока я на них дивилась, из меня начали убирать иглы, трубки, снимать клеммы, отсоединять провода. Последней сняли дыхательную маску и вынули воздуховод из гортани. Затем меня извлекли из стеклянного саркофага и переложили на кушетку.

И началось! Мне проверяли пульс, светили в глаза разноцветными фонариками, обследовали с ног до головы какими-то аппаратами. Может быть, и просвечивали. Затем мое несчастное тело протирали, мяли, массировали, мазали всякой дрянью и снова протирали, закапывали что-то в глаза... и прочие пытки.

А я послушно поворачивалась и вспоминала.

Мое проваленное испытание в лесу. Ураган. Боль...

Но что-то ускользало, невероятно важное... Впрочем, и мое сознание тоже ускользало жирным угрем сквозь пальцы.

В конце концов в один прекрасный момент я просто отрубилась.

Очнулась в каком-то небольшом, слабо освещенном помещении. Совершенно пустые стены отсвечивали золотистым металлическим блеском, слабо проступали более темные узоры, складываясь в арабески, светился невысокий потолок. Я лежала под легким покрывалом, в рубашке (меня одели, спасибо), и с минуту пыталась сообразить, что же не дает мне пошевелиться. Пока не поняла, что тревожит так сильно, до желания немедленно исчезнуть – чужой взгляд.

Жаркий, настойчивый, давящий, словно мне на грудь поставили древний железный утюг с раскаленными углями. Такой до сих пор хранился в лесном доме моей бабушки. Повернув голову, я встретилась с невероятно золотыми, словно светящимися, глазами.

– Здравствуй, Василиса, – улыбнулся мне самый ненавистный во всей вселенной мужчина.

Я молчала, лихорадочно соображая, какую линию поведения выбрать. Дело осложнялось тем, что о драконидях в общем и об этом, золотоволосом и золотоглазом представителе правящего дома Эретаров, в частности, почти ничего не было известно. Я и видела-то его в совокупности несколько часов, а разговаривала – несколько минут.

На вид ему можно дать лет двадцать пять, не больше.

Но между нашим Солнцем и звездой Тубан в созвездии Альфа Драконис, откуда явились на Землю дракониды, было кошмарное расстояние, примерно в триста десять световых лет. Даже если корабль драконидов двигался со скоростью света, то ему понадобилось самое меньшее триста десять лет, чтобы прилететь к нам.

Так сколько же лет на самом деле этому гладкокожему и так похожему на человека существу? Кстати, его светлые волосы, забранные в низкий небрежный хвост, стали явно длиннее с того дня, как он тащил на руках обессиленную и измученную меня в свой чертов корабль.

Я мысленно застонала, сообразив, что капитан сказал мне в анабиозной камере – звездолет приближается к цели, то есть, почти вернулся на родину, к звезде Альфа Драконис. А это значит, все, кого я знала на Земле, давным-давно мертвы... Мама, папа, брат Ярослав, прабабка Даромила... и даже один синеглазый репти...

Щеке стало горячо.

Скользким движением золотоглазый приблизился, сел на мою койку и осторожно вытер мою слезу. И вторую. А потом я запретила себе плакать.

Горячий и влажный от моих слез мужской палец между тем опустился и погладил мне подбородок, слегка задел нижнюю губу...

– Не смейте, – призвав все свое самообладание, твердо сказала я и отвернула голову. – Вы меня похитили, но это не дает вам права нарушать мое личное пространство.

Он убрал руку... на мое бедро, провел легонько вверх по покрывалу, собирая его складками. Но, несмотря на нагло-захватнические действия, его голос прозвучал холодно и отстраненно:

– Послушай меня, аль-дэй, и не перебивай. Пока ты лежала в анабиозе, тебе давался ускоренный курс языка, культуры, этикета, иерархии и истории империи драконидов. Конечно, ты еще не научилась пользоваться этими знаниями, но умение придет быстро. И первое, что тебе нужно сделать – это вытащить вложенное в твою память знание о роли аль-дэй и их отношениях с аль-тарами, повелителями. Тебе придется принять тот факт, мое сокровище, что в присутствии твоего аль-тара у тебя нет и не может быть личного пространства.

Я подавила вспышку ярости. Может быть, напрасно. Но он что-то почувствовал, потому что его рука медленно и неохотно убралась с моего бедра.

– Не будем начинать наши отношения с негативных эмоций, аль-дэй, – примиряюще сказал он.

– Мы вообще не будем их начинать.

– Ты же не глупа, Василиса. Глупых в Космические академии не принимают или они там не выживают, а ты все-таки закончила третий курс. Потому ты должна понять, что находишься очень далеко от Земли и полностью в моей власти. У тебя нет ничего и никого в этом мире, кроме меня.

– Ничего, кроме моего дара, не так ли? Иначе зачем я вам понадобилась? – прищурилась я. Что поделаться, я действительно не была дурой.

Но он меня обломал, гад:

– Твой дар тоже пока ничто без полной инициации и соответствующей огранки. Но я уже начал работать над этим, и твой дар будет огранен, как полагается.

И, пока я придумывала достойный ответ – а мозги после анабиоза еще туго шевелились, со скрипом, – драконид взял мою левую ладонь, бережно погладил и улыбнулся:

– Теперь ничто и никто не помешает твоей правильной инициации.

А я задохнулась от ощущения падения, боли и ошеломляющей потери. Лишь через миг осознала – это воспоминание, а не чувства здесь и сейчас.

А потом вспышкой вспомнила все-все. И прохрипела:

– Он мертв? Ты убил его, да?

Крылья его носа гневно раздулись, но голос оставался спокойным.

– Не знаю, кого ты имеешь в виду. Я никого не убивал... специально. Но не поручусь за несчастный случай.

– Кольца нет!

Я потеряла левую руку. Обручального кольца, надетого на меня моим чешуйчатым врагом не было. Оно всегда возвращалось! И мы с братом выяснили, что для него не существует расстояний. Кольцо Судьбы создано не людьми и, по словам прабабки Даромилы, существует не по физическим законам нашего мира. И, если его нет на моем пальце, то вывод один: мне уже не из кого выбирать.

Я все терла и терла безымянный палец, как будто от этого кольцо вернется. А ведь когда-то я его даже в царскую водку бросала, чтобы избавиться!

Драконид, заметив и оценив мой жест, усмехнулся с некоторой горечью, но не прокомментировал. Порывисто встал, отошел на шаг и, нажав на невидимую кнопку в стене, распорядился:

– Дири, подготовь ванну и ужин для аль-дэй.

Затем снова повернулся ко мне.

– Ты сейчас слишком слаба, Василиса, и все воспринимаешь острее, чем в обычном состоянии. У нас будет почти месяц, пока звездолет пересекает зону молчания вокруг нашей планеты, где запрещены гиперпрыжки. За это время ты придешь в себя, окрепнешь и подготовишься к аудиенции, потом я представлю тебя императору и семье. А сейчас... отдыхай.

И ушел.

Бросил: «Отдыхай!», как команду «Лежать!» своей собаке, и даже не поинтересовался моими желаниями. А я и спросить ничего не успела. Ни о том, зачем я вообще ему понадобилась, ни о том, сколько времени мы в пути по земному календарю... Надо было воспользоваться возможностью узнать хоть что-то, а я потратила время на бессмысленные препирательства. Мороженая каракатица, как же глупо!

Я попыталась встать, но не удержалась на слабых ногах и, падая обратно на койку, что-то задела рукой. Прозвучал мелодичный гонг, и в каюте открылась еще одна дверь, которую я поначалу не заметила.

– Госпожа! – метнулась ко мне девушка в белом комбинезоне и с такой же белой косой, как у капитана. – Позвольте я помогу!

И только сейчас, когда ко мне обратилась эта незнакомка на чужом, но так хорошо осознаваемом языке, я поняла, что и сама на нем только что говорила с Аррадором – абсолютно привычно, словно понимала с рождения.

Меня прошиб озноб, до дрожи. Стало очень страшно, до жути. Язык – это основа мышления, как нас учили в академии. Первое, что изучает ксенолог – способы общения иных существ, их языки, именно они дают понять иной разум, другого способа нет, даже если этот разум заговорит с вами на вашем языке. Любой, кто изучал иностранный язык, понимает, что в нем вшит менталитет другого народа.

В анабиозной камере мой разум, моя личность во время беспомощности были совершенно беззащитны. И если я с легкостью «выучила» язык иной планеты, то что еще мне впаляли в мозг? Что я стала воспринимать, как неотъемлемую часть себя?

Взять ситуацию с моим падением. Незнакомка не посмела притронуться ко мне без дозволения, и это показалось мне совершенно естественным! С каких пор я стала воспринимать себя как нечто высшее, к кому нельзя прикоснуться без разрешения?

– Как твое имя? – спросила я, четко следуя всплывшему в голове знанию, что дракониды обращаются на «ты» к нижестоящим по социальной ступени, в том числе к детям, женам и любовницам, и на «вы» – к равным и вышестоящим, в том числе к женам вышестоящих.

Из этого следовало еще одно горькое понимание, что я для Аррадора – низшее существо, которое, к тому же, нагло хамит, говоря ему “ты” и нарушая иерархию в обращении. Любопытно, он стерпел и не поправил только потому, что мы были наедине? Или пока не стал углублять негатив?

А вот для капитана флагманского звездолета я, наоборот, стою выше в драконидской иерархии. Или, как минимум, мы на равных?

Служанка, похожая на мальчика чеканными чертами строгого лица, поклонилась, сложив руки ладонями к груди так, словно боялась, что у нее при поклоне выкатится сердце:

– Дири. Ру-тай Дири, – присовокупила девушка обозначение своей иерархической ступени. – Я – ваша личная помощница. Меня сегодня представил вам капитан, госпожа.

– Да, помню, ты была в маске. Скажи, Дири, как долго мы в пути?

– По внутреннему времени корабля от старта с земной орбиты прошло три месяца.

Сколько-сколько? Я зависла, растерянно на нее моргая.

– Давай-ка начнем со скорости света, – я пришла в себя и спрятала досаду. Могла бы и сообразить, что Земля для них отнюдь не пуп Вселенной, и системы измерения у драконидов совсем другие. – Это, по счастью, фундаментальная величина и не зависит от принятой системы счисления. Как долго или как далеко летит свет от вашей звезды Тубан до Земли?

– Госпожа, я поняла ваше затруднение, – улыбнулась блондинка. – Я принесу вам таблицы сравнительных величин, чтобы вам было проще вспомнить, потому что эти знания входят в начальный курс обучения землян. А пока скажу вам, чтобы вы не волновались: наш месяц равен двум земным. Мы в пути около полугода по вашему времени.

– А месяц, оставшийся до цели, это по какой системе?

– Думаю, что по вашей, – улыбнулась она. Оказалось, что от улыбки у нее появляются весьма милые ямочки, а мальчишеское лицо сразу смягчается и становится похожим на женское.

– То есть, ваш корабль в десятки, если не сотни раз превышает скорость света? – у меня, наверное, волосы в этот миг поседели от такого открытия, можно сказать, наглядно обнажившего кошмарную разницу между нашими цивилизациями. – В земной науке это считалось невозможным.

– Я не очень сильна в технических науках, простите, госпожа, – пожала она плечами. – Я обслуживающий персонал, в управлении не участвую. Вы лучше у капитана спросите или у аль-тара.

И почему мне кажется, что она врет? В любом случае, вряд ли меня посвятят в такие подробности, как технические возможности космического флота драконидов. Иначе сведения содержались бы в курсе моего подпорогового обучения. С другой стороны... если дракониды готовились найти на Земле в лучшем случае средневековье, то с чего бы им включать в просветительский курс знания по астрономии и высшей физике?

– Вам подать ужин, или вы сначала посетите ванну? – перешла помощница к прямым обязанностям.

– Ванну.

За время анабиоза желудок отвык от своих функций, какой уж там ужин.

Вода оказалась химически чистой, дистиллированной, хотя Дири и добавила ароматической пены. Я не стала отказываться от ее помощи – с моей слабостью я бы попросту утонула в купели.

Отдав себя в руки профессиональной помощницы, я расслаблялась и размышляла, вырабатывала стратегию и тактику поведения, пыталась «включить» записанные в меня знания, но

пока не преуспела. Может быть потому, что была слишком возбуждена: весть о том, что произошло не так и много времени с момента моего похищения, обрадовала и воодушевила.

Еще не все потеряно, Василиса!

Вспомнилась и загадочная фраза аль-тара, сказанная еще в прабабкином лесу: время возвращения зависит от силы желания вернуться.

Аррадор даже не представляет, насколько она у меня велика.

И опять я не заметила, как уснула, и не почувствовала, как меня извлекли из ванны, обсушили и переложили в постель, где я и проснулась... не могу сказать, что утром – мои биологические часы пока еще молчали, полностью дезориентированные... но вполне бодрой.

... А на безымянном пальце левой руки что-то мешалось.

Кольцо? – я поднесла руку к глазам и разочарованно выдохнула. Разве что фантомное эхо. Его тяжесть только ощущалась кожей, словно его только что сняли. Потрогав, я почувствовала легкую шероховатость в миллиметре от кожи. Вот это чудеса. Оно стало невидимым?

Но главное – его появление могло означать только одно: у меня снова есть выбор. А это значит, что Габриэль жив!

Глава 2

Расслабленно развалившись в массажном кресле и цедя из трубки укрепляющий напиток, Аррадор прогонял перед глазами массивы последних новостей и данных о состоянии флота и краем глаза наблюдал на боковом мониторе за пробуждением аль-дэй. Не ускользнуло от его внимания и движение девушки, проверившей первым делом безымянный палец левой руки, и ее полная облегчения улыбка. Аль-тар проследил: ее рука была пуста. Чему же она улыбается?

Он нахмурился, затребовал данные из императорского архива о треклятых кольцах и, выплюнув гибкий позолоченный нагубник термостакана, остановил массажный механизм.

Расслабиться не получалось. И прежде всего из-за его новой проблемы. Сканирование эмоционального фона Василисы не радовало аль-тара: девушка по-прежнему держала экран поднятым, не позволяя проникать дальше поверхностных эмоций. Сильных, бурных. Но сиюминутных. Аррадора интересовали куда более глубинные, сущностные. Вот к ним-то и был перекрыт доступ.

Наличие экрана стало неприятным открытием. Он возник в тот момент, когда аль-дэй увидела на Земле падение Чернозмея, исчез вместе с сознанием Василисы, когда энергетическое и эмоциональное истощение лишило ее чувств, и вновь появился в момент ее пробуждения в анабиозной камере.

А значит, она его не контролировала, и это естественная защита, созданная непонятным образом и подпитываемая из неизвестных источников. Сама аль-дэй вряд ли даже осознавала его присутствие.

Какие еще сюрпризы преподнесет Аррадору потомственная ведьма, еще даже не прошедшая полную инициацию?

И стоит ли ему подталкивать эту хрегову инициацию?

С одной стороны, ему, да и всему императорскому дому, нужна полностью раскрытая, сильная и обученная аль-дэй.

С другой, – чем она сильнее, тем менее поддается контролю. Чего стоит ее выходка с Драконьим кольцом! Да и сама ситуация с репти.

Это бесило больше всего. Репти – исконные враги, ненависть к ним записана на подкорке у всего рода Пасных, она изначальная, не поддающаяся ни лечению, ни искоренению. Так почему Василиса надела кольцо, полученное от одного из самых омерзительных из кланов урргов – Черного? Как смогла переступить через отвращение?

Не хотелось признавать свои промахи, но Аррадор понимал: похищение девушки стало непоправимой ошибкой.

Нужно было выждать, расположить Василису к себе лично и к драконидам в целом, завоевать ее симпатии, сыграть на жажде знаний и позволить – не заставить, а позволить – выиграть отбор в экспериментальную группу. И лишь тогда ускорить отлет.

А он сделал все наоборот.

Да, им двигала лютая ненависть к Чернозмею и жгучая, хуже яда, ревность. А еще – потрясение, которую он испытал, когда увидел репти, ставшего Крылатым.

Это было невероятно. Оглушительно. Невозможно.

И Аррадор не стал даже проверять, сумел ли он уничтожить гнусного нечестивца, посягнувшего на аль-дэй и само Небо. Уже не успевал.

Что ж, если не сумел сразу – его добьют либо перепуганные люди, либо оставшиеся на Земле дракониды.

Он спасал аль-дэй от нее самой прежде всего. Но вряд ли Василиса это оценит. Это аль-тар тоже прекрасно понимал.

Следовательно, нужно изменить тактику, как бы это ни претило самому Аррадору. Он не привык расшаркиваться перед женщинами. Он до зубовного скрежета ненавидел все эти глупые ухаживания, льстивые комплименты, никчемные подарки, раболепные заглядывания в глаза и позорные вздохи, показывающие лишь слабость и зависимость.

Но что делать, если он действительно зависим от какой-то инопланетной дикарки и, если верить легендам, его сила значительно слабее без нее, чем могла бы быть с ней?

А в том, что легенды не лгали, он уже убедился на Земле. Он чувствовал потенциал, пока Василиса не подняла треклятый экран. И он видел крылья изначально бескрылого Чернозмея. Кто, как не она и ее сила дали врагу крылья? Омерзительное предательство!

Аррадор сжал и разжал кулаки, заставляя себя успокоиться. Мыслимое ли дело – его, высшего, выводит из себя одна только мысль о каком-то низшем черве? Разве не должен светлый разум аль-тара всегда оставаться невозмутимым?

Он отвернулся от дисплея наблюдательного модуля из отсека Василисы и попытался сосредоточиться на колонках цифр и сведений, бегущих по визору, но еле ощутимая вибрация сигнала опять заставила отвлечься от дел.

Мерцал значок императорской связи на его личном браслете.

Все верно, звездолет уже несколько часов как вошел в обычный режим полета и стал доступен для межпланетарных станций. Строго говоря, аль-тар обязан был первым выйти на связь с императорскими службами и доложить об успешности миссии, но он предпочел спихнуть эту обязанность на капитана.

Он и сейчас не стал бы отвечать на вызов, но это было бы уже похоже на бунт, а раскрывать свои истинные чувства перед отцом было преждевременно. И Аррадор выключил лишние камеры, погасил дисплеи, дабы не светить некоторую информацию, и со вздохом нажал на кнопку приема.

Перед ним в воздухе развернулась трехмерное изображение сидящего в позолоченном кресле собеседника, и Аррадор склонил голову:

– Мой император, приветствую и благодарю за честь.

– Ты не торопишься с приветствиями, сын, – усмехнулся император, с прищуром вглядываясь в загоревшее под чужим солнцем лицо сына. Сам государь был бледен, как гипсовая маска, даже губы были покрыты белым налетом, и от того золото его глаз и волос казались темнее.

– Прости, отец, – голова Аррадора склонилась еще ниже, – я думал, что ты спишь в это время суток. На Ирритое только половина четвертого утра, если наш бортовой интеллект не ошибся в расчетах.

– Не ошибся. Но я получил сигнал о прохождении барьера твоим флагманом и ждал новостей из первых рук, а получил сухой отчет от низших исполнителей, – упрекнул властитель. – В чем истинная причина, сын? И посмотри мне в глаза, хватит прикрываться этикетом!

– Аль-дэй. Она еще не в надлежащей форме, – признался Аррадор, поняв, что ему не отвертеться. Он выпрямился, но в глаза правителю старался не смотреть, мало ли что тот сумеет увидеть в его собственных.

– Почему? – нахмурился мужчина, а его сильные пальцы на подлокотнике выдали нетерпеливую дробь. – Разве у тебя не было времени на ритуал единения?

– На Земле не было времени, на корабле – условий. Но главное – она еще не инициирована, совсем юная девушка по нашим меркам.

– То есть, аль-дэй практически свободна? – снова прищурился император. – Ты сильно рискуешь, мой мальчик. У тебя есть старшие братья, и я не смогу им запретить, если они захотят забрать у тебя такой приз.

– Если успеют, во-первых. У меня еще есть время до прибытия. Во-вторых, если сумеют. Надеюсь, никто не ждет, что я просто так отпущу свою аль-дэй? – оскалился аль-тар. – И в-

третьих, если мои драгоценные братья захотят отказаться от регалий даже временно и перейти на низший уровень, а иначе они не смогут бросить мне вызов и участвовать в драке.

– В соревновании, а не драке, – поморщился звездный владыка.

– Именно в драке. В соревновании существуют хотя бы какие-то правила и арбитры, а в бою за аль-дэй – никаких. Кто успел, тот и съел.

– И это плохо. Очень плохо. Это нарушает существующий порядок вещей, а ты знаешь, как я этого не люблю... – император сделал паузу, дабы сын проникся угрозой.

– Одно твое повеление, и порядок останется неприкосновенен, – вкрадчиво заметил аль-тар.

– С другой стороны, такая небольшая встряска отвлечет их и в конечном итоге послужит только во благо. Победителем станет достойнейший... – император все-таки склонился к интригам, к неудовольствию Аррадора. – А мой приказ только унижит тебя в глазах братьев уже тем фактом, что он потребовался. У тебя была фора, сын, и чья вина, что ты ею не воспользовался? Разве взять женщину большая проблема для тебя? Но ты прав, у тебя еще есть время. К моменту твоего возвращения домой ни у кого не должно возникнуть никаких вопросов о статусе аль-дэй. Действуй как мужчина, иначе ты меня разочаруешь.

Аррадор молча склонил голову, принимая отцовскую волю.

– И второй момент, который я хотел обговорить сначала наедине, – продолжил государь. – Флот, который я тебе впервые доверил...

– Он успешно закончил миссию и уже на пути домой, – поторопился отчитаться аль-тар. – Нам удалось отобрать около сотни землян с большими способностями, в том числе девушек со следами крови аль-дэй различной степени выраженности. Так что, для моих братьев будет большой выбор и без моей девушки.

– Речь не о том. Ты, аль-тар, бросил доверенный тебе флот, а сам, забрав сильнейший из кораблей, возвращаешься на флагмане первым. Почему?

– Не бросил, – Аррадор ожидал обвинений и был готов. – Я нахожусь непрерывно в состоянии триумфа, и можно сказать, пребываю одновременно здесь и там.

Изумление на лице императора, его поза жадного любопытства, когда он всем корпусом подался вперед, польстили самолюбию аль-тара.

– Непрерывно? – переспросил владыка. – И в тоннелях?

– Именно так, – Аррадор улыбнулся и слегка пожал плечами. Мол, подумаешь, я еще и не то могу. Теперь, когда рядом его аль-дэй.

– Ты сумел меня удивить, – пристальный взгляд звездного владыки перестал недоверчиво сверлить сына, и мужчина снова откинулся на спинку кресла. – Поздравляю. Никому еще не удавалось поддерживать такую близкую связь в глубоком космосе, – но тут же отец наступил на воспрянувшую гордость. – Это, безусловно, влияние аль-дэй? Даже при вашей неполной связи и ее непробужденном даре, так? Потрясающе! На что же она будет способна, когда ее дар полностью раскроется?

Но Аррадор не дал императору как следует вкусить перспективы. Мало ли, вдруг сам решит наложить на такое сокровище лапу.

– Отец, ты отдал ее мне, позволь напомнить.

– До момента, когда ты с ней ступишь на поверхность любой планеты империи, – уточнил государь. – Потом тебе придется доказать свое право. Это все, что я могу для тебя сделать, Арр. Это моя неофициальная награда за исполнение миссии по возвращению наследниц аль-дэй. Я всегда считал тебя самым перспективным из моих сыновей. Не подведи.

– Благодарю за доверие, отец. Счастлив служить, мой император, – Аррадор церемониально поклонился и прижал кулак к груди – ритуальный жест единения и служения Империи.

Государь сбросил вызов, но в голове аль-тара еще гудело грозное: «Не подведи».

Не дай Небо разочаровать главу Дома Золотой Ветви и императора огромной, охватывающей множество звезд и планет, Священной Империи Драконидов. Или, как ее чаще называли, Сид.

Но одновременно с угрозой император позволил отсрочку и даже подсказку. Аррадор, как никто из сыновей умевший читать скрытый смысл посланий отца, отлично уловил завуалированное разрешение на нестандартный ход.

Отец дал времени гораздо больше, чем прозвучало вслух. Фора Аррадора длилась в точности «До момента, когда ты с ней ступишь на поверхность любой планеты империи».

Но ведь луны и искусственные города-спутники – это еще не планета.

И крупные астероиды – это тоже не планета.

И срок, когда Аррадор должен предстать перед ликом императора и ввести аль-дэй в Дом Золотой Ветви, тоже не прозвучал.

А значит, жалкий месяц сближения звездолета с императорской планетой-колыбелью, можно растянуть вплоть до возвращения основного флота. И тогда уже никто не сможет упрекнуть аль-тара в том, что он самовольно оставил пост.

Аррадор мог с уверенностью предположить, что сведения о преждевременном возвращении флагмана засекречены еще в момент его выхода из подпространства в базовой точке. Все, что касалось чрезвычайных происшествий на глубинных переходах, докладывалось прежде всего самому императору, а флагман, вернувшийся без армии, – это именно ЧП.

А если возвращение одиночки засекречено, то ни его честь, ни честь Императорского дома не пострадают из-за опрометчивого поступка третьего принца Аррадора. Мудро.

Он улыбнулся и преисполнился благодарности к уму и предусмотрительности отца-императора. Все-таки не зря Зараэр аль-ал Эретар носил прозвище Мудрейший. И его младшему, но любимому сыну Аррадору еще учиться и учиться у великого отца.

Аль-тар натянул легкий золотисто-белый костюм, обтягивающий атлетическую фигуру, как вторая кожа, нацепил и активировал статусные регалии и направился в капитанскую рубку. Теперь, когда тайное благословение получено, нужно срочно изменить первоначальный план и предусмотреть меры против оставшегося одного процента утечки информации. Его старшие братья тоже не дураки, с такой-то наследственностью.

* * *

«На пути домой» – это было громко сказано. Звездный флот драконидов, окружавший Землю за орбитой Луны, еще только постепенно, по одному-два корабля, отступал с позиций. На орбите оставалось три звездолета. Один – массивный коммодорский, немногим уступающий флагманскому, на котором улетел Аррадор с добычей, и два сопровождающих боевых крейсера помельче и поманевренней.

Коммодор Сарриан ди-тар Вариэр, нетерпеливо гипнотизируя экран связи, ждал пристыковки последнего планетарного челнока с Земли с последней партией добровольцев. Он нервничал: благоприятное расчетное время старта уходило, а без опаздывающих землян улететь было невозможно, именно в этой группе должен лететь брат аль-дэй Василисы Ярослав Пасный.

Приказ аль-тара был недвусмысленным: сделать все возможное и невозможное, чтобы молодой славянин прошел отбор и отправился к звезде Тубан (или, по-драконидски, Ир-рий) следом за сестрой. Аррадору нужен был еще один рычаг влияния на Василису.

Но вылет челнока задерживался.

«Кайрен, в чем дело? – нервно дернув длинную белую косу, переброшенную через плечо, спросил Сарриан. – Только не говори, что этот ваш хваленый человеческий эмпат почуял жареное и сбежал».

«Знаешь, все возможно, – мысленно отозвался ксенолог. – Ждем только его, остальные давно в сборе и раздражены задержкой, особенно девушки. За нашим драгоценным славянином отправили полковника Ренски с заданием привезти живым и согласным к отлету. Этот Ярослав оказался настолько себе на уме, что это противоречит всем нашим психологическим картам рода Пасных».

«Выбрось свои тысячелетние карты на свалку, они безнадежно устарели, как и все наши представления о человечестве. Разве ты еще питаешь какие-то закостенелые иллюзии?»

«Нет, но я в недоумении. Его отсутствие нелогично. Парень сам рвался в полет, пошел даже против родового запрета. Его не отпускали как первого наследника. Но он сумел настоять. А в последний момент исчез. Сколько у нас еще времени?».

Коммодор бросил взгляд на приборную панель, по которой плыли одному ему понятные закодированные узоры.

«У тебя до старта два-три часа, не больше. Сам знаешь, как в Солнечной системе нестабильны выходы нуль-туннелей, а мне надо успеть провести всю эскадру. Если парня не найдешь, вылетай. Гнев Аррадора возьму на себя».

«Есть, кэп».

Сариэн поморщился: этот вирус неуставного обращения Кайрен подхватил у землян и не желал лечиться. Ничего, дорога дальняя, вылечим, – мысленно пообещал коммодор. Но как же жаль, что Ярослав, похоже, действительно сбежал.

* * *

Ярослав в это время находился в пяти сотнях километров от космодрома, где его ожидал планетарный челнок, и мерил шагами просторный кабинет Габриэля Горуха в его резиденции на острове Сахреш.

На белокаменный остров первый наследник рода Пасных попал втайне от группы и руководства, по подземному туннелю. Никто не должен был заподозрить, что он хоть как-то связан с репти.

На душе скребли лесные кошки. Правильно ли он поступает?

Даже в кошмарном сне старшему брату Василисы не могло присниться, что ради спасения сестры он пойдет на сделку с ненавистнейшим врагом рода человеческого – со змеиным племенем. Более того, с одним из самых жутких из них – Чернозмеем из клана Черных репти, с тем, кто официально стал Принцем Тени.

Или это существо сейчас лучше называть не змеем, а... драконом?

Да ну, – тряхнул головой Ярослав, отбрасывая золотисто-русую челку и бредовые мысли. Драконов не существует, а у Габриэля Горуха нет главного – крыльев. То ли померещились они всем, когда его нашел поисковый отряд, то ли растаяли с концами. Факт в том, что теперь их нет как не было. Хотя, конечно, рептилья ипостась Чернозмея ужасающа, и для сходства с драконом не хватает только крыльев.

Яр хорошо запомнил их первую встречу. При взгляде на огромную черную чешуйчатую гору, лежавшую в дремучей лесной чаще под маскировочным шатром, чтобы ни с самолетов нельзя было разглядеть, ни даже с вертолетов, не говоря уже о спутниках, – ведовской род знал толк в отводе глаз, – оживали древние сказания и мифы.

Хуже того, оживала врожденная ненависть.

Но Яр, с некоторых пор осознававший искусственную суть этого чувства, сумел ее загасить, когда сидел рядом с беспмятным чудищем, наблюдая, как проявляется инистая тень крыльев возле его тела. Только тень. Потом и та исчезла.

И снова глубинной тайной повеяло от таких чудес, невозможных с точки зрения науки. Как такая масса могла образоваться из стройного, во всем подобного человеческому, тела Габ-

риэля? Откуда? В магию Яр не верил, несмотря на свое происхождение и тайны сибирских ведунов и ведьм. Любая магия – это всего лишь еще неизвестный науке природный закон.

Когда Чернозмей очнулся и поведал о преступлении Аррадора, похитившего Василису, ему сначала никто не поверил, и Яр тоже. Зачем драконидам, только что выигравшим схватку с репти за симпатии человечества, рубить на корню свою победу? Да сестренка сама хотела участвовать в отборе добровольцев, зачем ее красть?

Но были косвенные доказательства.

Во-первых, адмирал драконилов, аль-тар Аррадор Эрретар с того времени не появлялся нигде, даже при самых важных переговорах с людьми и репти, и такое исчезновение никак не объяснялось чужаками.

Во-вторых, мощнейшие телескопы и приборы, отслеживающие перемещение космической эскадры драконилов, засекли уменьшение ее физического объема. Косвенно. Потому как дракониловы не позволяли прямое наблюдение, наводя искажающие шумы на земные приборы, и оставались практически невидимыми. Объяснение могло быть только одно: околоземную орбиту покинул один или несколько крупных кораблей.

Собственное предчувствие Ярослав считал за третий важнейший пункт, но прикрепить к объективным доказательствам не мог. Родичи не верили, для них дракониловы и древний договор с ними все еще были чуть ли не святыней. А вот Габриэль поверил. Как и Ярослав ему.

Удивительно ли, что молодой ведун и его ровесник репти нашли общий язык? Более того, выработали общий план по спасению одной зеленоглазой солнечной девочки, попавшей в большую беду.

Потом, когда Чернозмей сумел вернуть себе человеческий облик, его увезли из дремучего леса в тайную рептильную клинику, и они не виделись, но переписывались регулярно. Яр к тому времени уже давно прошел отбор в отряд добровольцев-астронавтов и обучался на краткосрочных курсах при Космической академии, где раньше училась Лиска.

Но сегодня Яру предстоит сделать следующий шаг, либо вместе с Чернозмеем, либо одному...

Глава 3

– Ты сошел с ума, Габриэль Горух! Это абсолютно неприемлемо. Абсолютно! – надменно вскинув подбородок, процедила старая Эльза, глава клана Анже и избранная королева репти. Весьма условная королева.

Власть над кланами у нее была чисто номинальная, но такие вопросы, какой поставил Гэб, без нее не решить. Да и без полного соборща всех кланов не решить, но надо было с кого-то начинать, и Гэб начал с будущей родственницы. Помолвка его младшей сестры с королевским правнуком, наследным принцем Анже, состоялась несколько месяцев назад.

Габриэль подавил желание разбить в сердцах изображение старой мегеры. Все равно бесполезно кулаком стучать по висевшей в воздухе, подобно призраку, трехмерной проекции.

– Это единственный шанс, ваше величество.

– Нет. Абсурдный план. Ты можешь уничтожить Мемориз своего клана, но наш мы тебе не отдадим. Хватит того, что твой дед топчет нашу святыню сутками напролет! Причем, ни перед кем не отчитывается, что он там выискивает и что уже нашел!

– Еще не нашел. Он ищет сведения о нашем корабле, на котором мы прилетели на Землю с Фаэтона.

– Зачем? – Грымза приподняла седые брови и стала походить на лягушку. – Ты же не думаешь, что корабль уцелел за столько тысячелетий?

– Всегда есть шанс на чудо.

– Мы бы помнили. Если этих сведений нет в памяти кланов, значит, корабля слишком давно не существует. Все, что от него осталось – наши Меморизы. И то не в полной сохранности.

– Тогда может быть, где-то сохранились записи технологий. Это слишком ценные сведения, чтобы мы могли ими пренебречь.

– Ах, молодость, молодость... – вздохнула рептесса, разом утратив надменный вид надувшейся жабы. – Ты забыл темные времена нашей истории, Принц Тени. Очень темные. Когда, попав на планету, где царствовали динозавры, мы были вынуждены взять донорами неразумных животных, и в результате сами деградировали едва ли не до животного состояния. Мы слишком долго делили планету с низшими существами. Тогда был утерян не только звездолет, технологии и знания, но почти утеряна речь, и мы едва не потеряли последние крохи разума. Чудо, что удалось сохранить Меморизы и ключи к ним, и то только потому, что репти поклонялись им – этим, в сущности, информационно-репликативным банкам, как божествам. Но сохраненные разумы той эпохи ничего не смогут поведать твоему деду. Ни-че-го. Не стоит тратить время.

– Благодарю, ваше величество.

– Ах, брось, принц. Мое величие тоже давно позади. Я ведь знаю о твоих планах забрать мою корону. Что ж, возможно, у тебя получится.

– Вряд ли, – усмехнулся Гэб. – Не буду юлить, планы были. Клан Черных должен был возглавить наш альянс, потому что пришло наше время, и настала необходимость аккумулировать силы и средства кланов в наше дело. Но эти планы тоже уже в прошлом, миледи. Как ни сильна моя мать, она не сможет управлять всеми кланами, как подобает королеве.

– Но есть ты, – криво усмехнулась рептесса, вздернув голову, мелкие седые кудряшки парика, давно прятывшего ее облысевшую от старости голову, чуть дрогнули. – Если главой клана избирается обычно самый старший, опытный и мудрый, то королем кланов может стать и молодой, но одаренный политик. Я знаю, твои усилия были успешны, и кланы готовы поддержать твою идею – выдвигать на первые дипломатические роли не старых и уродливых, а

молодых и представительных. А ты, пожалуй, самое подходящее лицо нашей расы из молодого поколения. Люди любят молодых и красивых, а их симпатии сейчас нам важны, как никогда.

– Видите ли, мадам... Меня уже нельзя использовать как лицо нашей расы. Точнее, только лицо и можно использовать. А вот моя фигура уже не годится для официальных дипломатических игр. Только для теневых, как и полагается Принцу Тени.

Габриэль положил моб в держатель и отъехал на кресле от стола так, чтобы камера показала собеседнице его целиком, от макушки с коротким ежиком черных волос до пят... законченных в гипс и поставленных на подножку инвалидного кресла.

– Я всегда говорила, что твоя страсть к гонкам на гравикаре плохо закончится, – ворчливым тоном любящей бабушки произнесла глава соперничающего клана, оплатившая полгода назад покушение на Габриэля и Василису. – Но я не вижу особых проблем. У нас даже в старости хорошая регенерация, переломы быстро заживают, а ты еще почти юноша.

– Неужели ваша хваленая королевская разведка вам еще не доложила? – усмехнулся Гэб. – У меня сломан позвоночник, мадам. Я уже не игрок. И не соперник вам. По крайней мере, на ближайшие пару лет. Все-таки наша медицина не стоит на месте.

Старая рептесса в ошеломлении не удержала облик, и ее лицо на миг превратилось в хищную морду с оскаленной в улыбке пастью. Но она мгновенно вернула себе человеческую маску.

– Бедный мальчик. Как же тебя угораздило?

– Как вы и предупреждали, гонки на гравикаре плохо закончились, – и тут Чернозмей почему-то мечтательно улыбнулся, но тут же зло сощурил глаза и стиснул зубы так, что заиграли желваки на осунувшемся лице.

Королева, подавшись вперед, жадно, словно потрескавшаяся пустынная земля, впитывала его эмоции.

– Потрясающе! – выдохнула она с восторгом. – Твои эмоции настоящие! Они заразительны даже через гипер-связь моба! У тебя, наверное, непревзойденный донор? Черные всегда славились способностью находить самые уникальные сокровища. Продай мне своего донора, Гэб. Я щедро заплачу, ты знаешь, я не скуплюсь на такие удовольствия.

– Знаю. Продам, но только за Мемориз Багряного клана.

Это был беспрониженный блеф.

Старуха отшатнулась и в сердцах сбросила вызов.

– Ну наконец, – пробормотал себе под нос Гэб. Этикет не позволял ему оборвать связь, пока королева не попрощалась первой, а гримза как чувствовала его нетерпение, и разговор превратился в светский треп. Ярослав там уже заждался.

Впрочем, главное Чернозмей услышал, а основное – сказал.

Кланы поддержали его идею смены формального лидера.

Все понимали, что методы багрянородных уже устарели, как и сами порфиноносцы. Но через сущность не переступишь, а тысячелетние традиции уже заменили клану Анже их сущность. Если их не скинуть, они так и будут делать ставку на кровь и войну. Большую человеческую кровь и большую войну, как самый легкий способ насытиться до отрыжки, удержать власть и приумножить состояние.

Гэб подготовил все для рокировки высшей власти. Он даже позволит в ближайшем будущем принцу Анже стать королем, а не консортом при молодой жене. Реальной власти он все равно не получит. Значит, за судьбу сестренки можно не беспокоиться.

Кстати о сестре... Габриэль нажал кнопку вызова и велел появившемуся в малом кабинете охраннику позвать леди Адель.

Пора.

Гэб еще раз, последний, оглядел малый кабинет, примыкавший к спальне. Подкатил коляску к столу, работая руками, хотя его нынешний транспорт был оснащен автоматическими

кнопками управления, вытащил из ящика пустой холщовый мешочек, украшенный рунами, и поднес его к губам, вдохнув слабый аромат девичьего тела, впитавшийся в ткань.

– Как ты там, Солнышко? – прошептал он.

Но мешочек, конечно, ничего не ответил.

Услышав грохот распахнувшейся двери, он сжал ткань в кулаке.

– Я готов, Адель. Вези.

– Брат! – девчонка бросилась ему на шею, но обняла бережно, чтобы не причинить боли. И разревелась: – Пожалуйста! Прошу тебя, не делай этого! Мама тоже против! Прошу, братишка!

– Адель, мы уже все обговорили. Меня не смогли поставить на ноги лучшие специалисты и куча доноров, включая даже силу рода Пасных. Мы не нашли древний корабль с Фаэтона. А даже если бы нашли... Боюсь, что нам не хватит знаний, чтобы поднять его в космос и проложить путь по следам драконидов. Мы даже и следы не смогли бы найти, при нашем чудовищном техническом и научном отставании это невозможно. Остался единственный выход для меня, и то только потому, что мне повезло, и Ярослав согласился на этот эксперимент.

– Нет! Ты же умрешь. Умрешь! Сейчас ты хотя бы жив!

– Я не смогу жить калекой, зная, что девушка, которую я избрал, в беде, а я ничего не могу сделать для ее спасения.

– Только из-за нее? – удивилась Адель. И то верно, обычно репти не бывают столь сентиментальны. Может, и хотели бы для полноты жизни, но холодная кровь, холодный разум и расчет всегда берут верх над золотой пылью полученных от доноров страстей.

– Не только, – успокоил ее Гэб. – Если мы не нашли ответ на наши вопросы на Земле, значит, надо расширить зону поиска, чем мы с Яром и займемся.

– Но ты... ты умрешь.

Он с изумлением наблюдал за искренними эмоциями молодой рептессы. Гэб ласково провел ладонью по щеке сестры, стирая влагу. Подумать только, она искренне горевала, и ее слезы были горячими, как настоящие.

– Во-первых, не весь, только тело, да и то не навсегда. Во-вторых, ты позаботилась о материале для клонирования. Во-третьих, дед Бер тоже мертв, однако, это не мешает ему оставаться живее всех живых, – успокаивающе улыбнулся репти.

– Но это слишком смелый эксперимент, никто еще так не делал! Это лишь теория, что кластер...

– Адель, я люблю быть первым. И потом, если в Меморизе есть описание эксперимента, значит, его уже проводили.

– Да, но экспериментатор не выжил! – истерично воскликнула Адель.

– Время, сестра, у меня его нет для твоих истерик, – голос Гэба стал нарочито сухим и строгим. Он разорвал ее объятия и крутанул колеса по направлению к замаскированной двери секретного лифта.

Всхлипнув, девушка бегом догнала коляску и взялась за ее ручки.

– Так-то лучше, моя королева, – улыбнулся репти.

– Я буду молиться всем богам по очереди, чтобы у вас с Ярославом все получилось. И еще, я буду каждый день приходить к твоему стеклянному гробу в криокамере, так и знай.

– Договорились.

– И приводить красивых девственниц, чтобы они тебя целовали. Вдруг ты не выдержишь и воскреснешь.

Посторонних девиц, конечно, никто не пустит в святая святых острова Сахреш, но Гэб не стал напоминать. Смеясь, извернулся, поймал руку девушки и поцеловал.

– Я тебя тоже люблю, сестренка.

Пустой, вышитый славянским узором мешочек так и остался в руке Гэба, когда он лег в криокамеру...

* * *

Ярослав скучал в резиденции репти уже несколько часов. Ему предоставили все для комфортного ожидания – свежую прессу, поднос с едой и с автоподогревом, напитки на выбор, в том числе алкогольные. Но кусок в горло не лез, алкоголь Яр не признавал, да и нельзя перед отлетом, а планетарные новости уже не актуальны для того, кто эту планету собирался покинуть.

Он уже устал прослушивать жителей острова, считая, сколько людей и репти тут находятся, и что скрыто за мощным экраном, который прошупывался тремя этажами ниже вглубь скалы, и нет ли в этом монолите крохотной щели, куда можно было бы просочиться эмпату?

Огромный визор, подключенный к новостным каналам, работал в беззвучном режиме, и уже несколько раз на экране мелькали кадры с космодрома – отлет последнего челнока должны были показывать в режиме реального времени. И Яр мрачно переключал каналы, опасаясь, что полковник Ренски не сможет до бесконечности задерживать группу и отлет из-за одного сбежавшего добровольца.

Если репти заманил его специально на остров, чтобы сорвать погоню за Василисой... Яр привычным жестом потрянул головой, отбрасывая длинную русую челку и заодно – дурную мысль. Уж кто-кто, а Габриэль точно заинтересован в том, чтобы вернуть похищенную девушку. Эту эмоцию – даже не заинтересованность, а настоящую жажду, – эмпат видел так же ясно, как солнце на небе.

Правда, солнце уже садилось.

Завибрировал моб. Опять звонил Ренски с секретного номера. Яр приложил палец, принимая вызов.

– Ярослав! – ворвался голос полковника. – Ты рискуешь остаться на планете. У них уже полный абзац. Мне сказали, если ты в течение часа не взойдешь на борт, то стартуют без тебя уже точно.

– Понял. Это уже не от меня зависит, – отрывисто бросил Яр и сбросил вызов. Ему больше нечего было сказать.

И в этот момент из-под монолитного экрана, закрывавшего подземные этажи убежища, внезапно выстрелила, как из жерла вулкана, и черным удушающим облаком навалилась небывалая тоска. Жуткая, отчаянная, беспросветная, – до желания упасть на пол, свернуться в клубок и выть, размазывая слезы по лицу. Причем, Яр уловил эхо чувств сразу из двух источников, таких мощных, что они перекрыли все отголоски живой жизни рептильего гнезда.

Яр привычно поднял щиты, чтобы его не раздавило чужим горем, и отправил успокаивающий импульс страдающим душам. И только тогда сообразил, что эхо идет от репти! Никогда он не заподозрил бы такой глубины чувств в холоднокровных существах с нечеловеческими сердцами. Это что должно было случиться, чтобы вскрыть ледяную толщу, покрывающую их как панцирь? Кто-то умер?

Один из источников стремительно приближался снизу. Лифт, – догадался эмпат. Нажал на кнопку пульта, выключив визор, и развернулся к стене со стальной дверью.

Сталь раздалась в стороны, и из кабины, шатаясь на высоких тонких каблуках, вышла черноволосая рептесса, с алыми губами, выделявшимися на белом лице как кровавое пятно, ослепительно красивая даже в зареванном виде. Адель, младшая сестра Габриэля, – вспомнил Яр. Он уже видел ее: девушка прилетала в тайгу и подолгу сидела у разбитого чешуйчатого тела Чернозмея.

Запнувшись о край толстого белого ковра, Адель едва не упала, но метнувшийся Яр успел поддержать. И тут же отпустил и отступил на шаг – такой яростной гримасой исказилось лицо рептессы.

– Ты! – почти прорычала она, сжав кулаки и сверля гостя исподлобья. – Это ты виноват! Ты и твоя сестра! Зачем только вы на свет родились, уроды! Если бы не Василиса, Гэб никогда бы не перешел дорогу драконидам и был бы жив и здоров! Если бы ты не согласился на его убийственный план, ему некуда было бы деваться, он бы остался на Земле! Живой! А теперь он мертв! Мертв! Из-за вас, проклятых людишек! Ненавижу!

Если бы кто-то, обладающий астральным зрением, мог видеть усилия эмпата, то залюбовался бы скоростью, с какой он сплетал вокруг убитой горем и разрываемой ненавистью чужой души кокон сочувствия, спокойствия и умиротворения, залюбовался бы узорами плетений, выпускающих мягкие бархатные лапки, обнимающие душу.

А в мире физическом Яр налил в чистый стеклянный бокал воды из графина и подал девушке. Она схватила посуду, едва не раздавив, отхлебнула глоток и... выплеснула остатки на человека. Он не стал уворачиваться, хотя мог бы.

– Ненавижу! – взвизгнула рептесса и схватила горлышко графина.

Яр не стал ждать, когда тяжелый хрусталь разобьет ему голову, поднырнул под руку замахнувшейся девушки и, оказавшись за ее спиной, перехватил одной рукой опасный предмет, а другой рукой прижал девчонку к себе так крепко, что даже ее нечеловеческая сила не помогла ей вырваться.

– Пусти! Тварь! – орала она.

Избавившись от графина, Яр развернул рептессу лицом к себе и... поцеловал, забирая и развеивая ее ненависть.

Потрепыхавшись, Адель притихла... и разрыдалась, уткнувшись в богатырскую грудь.

– У него получилось? – спросил эмпат, поняв, что буря миновала.

– Да! – глухо ответили ему. Но Адель тут же отодвинулась и, вытащив платок из кармана брюк, бесцеремонно высморкалась. Из второго кармана она извлекла маленькую коробочку толщиной с палец. Открыла и вынула черный медальон, диаметром с древний пятак, подвешенный на цепочку из такого же черного металла. Странная поверхность, успел заметить Ярослав. Рептесса рявкнула: – Наклони голову, дубина стоеросовая!

Эмпат послушно наклонил, и охнул, когда почувствовал на своей шее адский холод металла и тяжесть пудовой гири.

– Это и есть кластер Мемориза?

– Нет. Кластер тебя бы раздавил, идиот. Это, черт бы тебя побрал вместе с моим гениальным братом, экспериментальный мобильный образец, созданный по тому же принципу. И ты будешь беречь его лучше, чем собственную жизнь, Ярослав Пасный, – резко и твердо произнесла рептесса, словно не она тут рыдала как маленькая девочка несколько секунд назад. – Ты можешь сам сдохнуть, но ты вернешь эту штуку на Землю, в мои руки или руки моей матери. Понял? Дед нашел в летописях упоминания, что дураки из твоего племени, улетевшие к звездам, возвращались домой еще при жизни своих отцов. Значит, у драконидов есть технологии сверхсветовых перемещений в космосе.

– Есть, – подтвердил Яр. – Нам говорили на подготовке.

– Заткнись. И слушай. Десять лет – крайний срок. Может быть, в криокамере Гэб сможет пролежать в полной сохранности и дольше, но я не буду рисковать. Если через десять лет ты не вернешься вот с этим медальоном... или вернешься, но без него... если вообще с ним что-нибудь случится, моя месть будет страшной. Я уничтожу весь твой род и выжгу всю тайгу. Я смогу, обещаю. Ты вернешь мне Гэба. Понял?

– Да понял я, понял.

– Поклянись, человек.

– Я дал слово, репти. И я уже поклялся твоему брату. Кстати, он сказал, что ты покажешь, как его запустить, этот мини-мемориз...

– Какой же он дурак! Мне он об этом забыл рассказать, конечно же. Откуда я знаю как, если впервые вижу? Экспериментальный, мать его, образец! Может, тебе его надо в своей крови искупать. Или в крови драконида. Или в моче. И поцеловать. Вот, здесь должно быть описание, Гэб говорил отдать тебе, – Адель подошла к столу брата, выдвинула верхний ящик и достала небольшой, с ладонь, блокнот в черном кожаном переплете. – А теперь поторопимся, иначе ты, к моей великой радости, никуда не полетишь, вернешь кластер, и я запущу процесс воскрешения брата из мертвых.

Яр убрал тяжеленный «пятак» под футболку. Поежился. Придется как-то привыкнуть к космическому холоду у самого сердца.

Эта сумасшедшая змеюка потащила его к военному гравикару последней разработки и сама села за руль.

Ведун за следующий час раз сто попрощался с жизнью и поблагодарил полковника Ренски за то, что тот выжимал все соки из добровольцев, приучая их организм к космическим перегрузкам.

Зато на космодром Яр прибыл секунда в секунду к самому распоследнему сроку старта, выторгованному Ренски у драконилов.

– Эта самовольная прогулка тебе еще аукнется, парень, – процедил черноволосый драконилов, когда последний и долгожданный доброволец переступил порог люка планетарного челнока.

Глава 4

После утреннего сеанса процедур и массажа, ру-тай Дири помогла мне облачиться в бело-золотистый комбинезон члена экипажа, такой эластичный, что он сел как вторая кожа. Если бы не утолщенные швы, капюшон и клапаны карманов на груди, я бы чувствовала себя голой.

Дири показала, как им пользоваться в чрезвычайных ситуациях, которые на космическом корабле могут возникнуть в любой момент. Несколько нажатий кнопок, и комбинезон превращался в легкий скафандр, способный выдержать химическую атаку, пожар или гравитационные нагрузки. Правда, воздух в нем без подключения дополнительных баллонов мог генерироваться недолго, всего полчаса по земному времени.

Кстати, о часах. В предплечья комбинезона было вмонтировано множество датчиков, и один из них показывал внутреннее время корабля, жившего по традициям своей планеты. Но для моего психологического комфорта и для ускоренной адаптации, как объяснила Дири, настроили сравнительную часовую шкалу.

Вместо завтрака в каюту были поданы тубы с питательной дрянью и вода.

– Хочу сок, – заявила я. – Яблочный.

За время миссии Дири, как и многие члены драконидского экипажа, познакомилась с земной кухней, потому девушка поняла меня и отрицательно мотнула головой:

– Нельзя! Соки вызывают брожение. Через три дня можно будет.

– Три дня, так и быть, потерплю, – проворчала я. – Скажи, Дири, а остальных из группы землян когда я увижу?

Моя помощница опустила взгляд, но ответила:

– Вероятно, через пару месяцев, аль-дэй. Мы прилетели с опережением.

– Почему? Разве это не флагманский корабль вашего звездного флота? Капитан что-то такое говорил при первом знакомстве...

– Флагманский. Но я ничего не знаю, что могло быть бы ответом на ваш первый вопрос. Я всего лишь ваша личная помощница, моя функция исчерпывается услугами по обеспечению комфортной жизни.

Вот ведь. Или ей запретили откровенничать, или она действительно способна только на механическую работу, а мозг атрофирован за ненужностью. Хуже работа, потому что производит впечатление человека.

– А если без знаний мне не комфортно? – прищурилась я. – Как ты попала на космический корабль, Дири? Честно говоря, я всегда думала, что в звездный флот отбираются самые образованные и многофункциональные лю... существа.

Она пожала плечами и слабо улыбнулась:

– Даже в космосе нужны слуги для высших каст.

Ага. Что-то такое в меня вкачали – поверхностное знание о сложной кастовой системе в империи драконидов.

На самом верху стоят, разумеется, альфы. Их роль обозначается словом «аль» в названии ранга. Могу гордиться: меня тут называют аль-дэй, как высшую. Хотя и пленницу.

Ранг Дири был ру-тай, и это означало... Я нахмурилась. Насильно вколоченное знание оживало с трудом... А ведь ее ранг означал, что кто-то тут врет. «Ру» – это обозначение для военных среднего командного звена. Рулевые. «Ди», как у нашего капитана, – для старшего звена. Диктующие.

А второе слово, «тай», означало что-то, связанное со службой, точнее, служением. «Й» на конце – обозначение гендерной принадлежности. У зрелых мужчин было бы «р» или «л» у старейшин. И у императора.

Голова немедленно закружилась, и я покачнулась и была немедленно подхвачена за локоть железной рукой и усажена на койку.

– Вы ведь все военные, так? – спросила я. – Иначе быть не может, у вас же военный флот. И какое у тебя звание, Дири?

– Ру-тай, – безмятежно улыбнулась драконидка. И добила. – Вся наша раса драконидов – военные, госпожа.

– Какой ужас. А посудомойки, горничные, учителя...

– Все, кто родом с Ир-ри-той, главной планеты империи. Но кроме звания есть еще должности. Если сравнивать с земными традициями, то я при вас числюсь в должности адъютанта и по совместительству – телохранительницы.

– Ага. Уже понятнее. А мое звание как перевести? Я не могу подобрать аналоги.

– Их нет. Аль-дэй были уникальны. И ценны только для нас. Сверхценны.

– Были?

– Они выродились на нашей планете, госпожа. Утратили дар. Те, кого сейчас называют аль-дэй, уже не способны ни на что, кроме как согреть постель тарам.

Логичная система. Получается, аль-тар Аррадор – высший тар.

– А тары это...

– Главные священнослужители.

Хм... А помнится, кто-то представился как адмирал. Совсем этот чуждый культурный код меня запутал.

Однако, получается, что к нам на Землю явилось священное воинство?

Это многое объясняло. И безапелляционность, и диктаторские замашки, и тот фанатизм, с которым дракониды ненавидели рептилоидов. Сдается мне, и роду Пасных ненависть привита именно такими «священнослужителями». А моя адъютантша, получается, тоже из них? Священнослужительница среднего командного состава?

Минутку. А какому богу они служат?

Я озвучила вопрос и получила неожиданный ответ:

– Мы не богу служим, госпожа. Это понятие чуждо нашей расе, но... впрочем, это неблагодарная задача – объяснять. Мы служим разуму, разумности. Мы сеем семена разума на бесплодных планетах или на тех, где разум по каким-то ничтожным причинам не смог развиваться выше животного. Вы увидите и поймете это сами. А если не увидите, значит, и не надо, – и девушка, сочтя, что на этом миссия просветительства окончена, перешла к непосредственным обязанностям. – Если у вас нет других желаний, я могу показать вам наш звездолет и познакомиться с экипажем. Они будут счастливы увидеть аль-дэй.

Я почему-то поежилась – столько восторга прозвучало в голосе адъютантши.

Но тут люк открылся, причем, без сигнала и моего разрешения, и в каюту ступил аль-тар Аррадор.

– Хорошего дня, дамы, – приветствовал он на драконидском (прозвучало это как – «Эт ерге, йэни», но мой мозг после апгрейда перевел автоматически).

– Уже сомневаюсь, что хорошего, – пробормотала я себе под нос.

Адмирал-священнослужитель обжег меня взглядом и бросил адъютантше:

– Дири, ты можешь заняться другими делами.

– Слушаюсь, аль-тар, – поклонилась девушка, прижав кулак к груди и шмыгнула мимо него на выход. Телохранительница называется.

Я встала, сложила руки и вздернула подбородок. В конце концов, я тут тоже альфа.

– Аль-тар Аррадор, – сдвинув брови грозно начала я. – Вы ворвались на мою территорию без разрешения. Я запрещаю кому-либо беспокоить меня без моего на то дозволения.

Он недоуменно воззрился на меня, моргнул длинными ресницами.

– Ты запрещаешь мне? – переспросил. – Адмиралу? На моем корабле?

– Именно так. Я – подданная Объединенных Государств Земли. И, раз уж сюда ступила моя нога, даже если это случилось против моей воли, я объявляю эту каюту моей временной, но неприкосновенной территорией.

Аррадор усмехнулся, и эта кривая усмешка мне решительно не понравилась, как и не менее хищный блеск в золотых глазах. Он скользяще шагнул вперед, и я услышала щелчок сработавшей блокировки люка за его спиной. С его изогнутых губ слетела короткая команда, и яркий свет в каюте померк до слабого, можно сказать, интимного.

Такие же интимные нотки зазвучали в голосе золотоволосого адмирала-священнослужителя-и-не-пойми-кого.

– То есть, правильно ли я понял, что моя аль-дэй еще не осознала одну маленькую деталь своего статуса?

– К-какую? – я бы попятилась, но некуда. Каютка крохотная, позади уже койка, упирающаяся краем под колени.

– Все аль-дэй уже тысячи лет принадлежат императорскому Дому Золотой Ветви, мое сокровище. И не важно, как далеко от дома, на какой планете и в какой галактике они родились. Ты – моя собственность, Василиса, и я тебе сейчас это докажу просто и наглядно, одним поцелуем.

И он протянул ко мне руки, чтобы схватить.

Упс.

А удобные кнопочки на этом комбинезоне, одним нажатием и за один миг превращающие его в несгораемый защитный скафандр!

На мое лицо хлопнулся капюшон, превратившийся в шлем с прозрачной вставкой для глаз, и я отлично увидела как в сумраке каюты вспыхнули золотые глаза дракониды.

Ой-ой, кажется, проснулись чьи-то охотничьи инстинкты!

Еще один скользкий шаг Аррадора. Я метнулась в сторону и вниз, проскочив под его рукой и оказалась за спиной аль-тара, бросилась к люку, но до механизма разблокировки не дотянулась, была перехвачена стальными по ощущениям руками, сжавшими мою талию.

Аль-тар рывком прижал меня к себе, зафиксировал одной рукой такую слабенькую меня, свежевылупленную только вчера из скорлупы анабиозной камеры, а его вторая рука сжала мое предплечье и безошибочно нашла заветную кнопочку, превращающую скафандр обратно в комбинезон.

Это большой недостаток конструкции, скажу я вам, если какая-то случайная внешняя помеха может лишить защиты одним прикосновением!

– Аль-дэй, сопротивление бесполезно, – задушевно, на ушко прошептал Аррадор, а его рука скользнула вверх по моей груди и потянула за бегунок застежки комбеза.

Я тут же воспользовалась и скорее интуитивно, чем со знанием дела, нашла на его комбинезоне нужную кнопку, даже две, и – хоп-па! – теперь в неудобном защитном коконе, раздувшемся от аварийно сгенерированного воздуха, оказался сам аль-тар.

Пока он пару мгновений боролся с собственным скафандром, я успела вырваться и дернуть за все рычаги, обнаруженные у входа, и до кучи нажать на все аварийные кнопки.

По ушам ударил вой сигнализации, сверху брызнула жидкость, а из противопожарных шлюзов внезапно за клубился подозрительный голубой дым.

А люк так и не распахнулся! Наоборот, каюта стремительно превращалась в герметичную газовую камеру смертников. Вдобавок к дыму, зажужжали клапаны, перекрывая приток воздуха и распространение гипотетического пожара.

«Зря ты освободился от скафандра, зря!» – мстительно подумала я, снова нажимая заветную кнопку, потому что дышать становилось невозможно, а в скафандре будет получасовой запас.

Аррадор, видимо, тоже сообразил, потому что, выругавшись по-своему, по-военножречески, последовал моему примеру и вернул себе защиту. Но перед тем, как его голову закрыл водо-газо-жаро- и звуконепроницаемый шлем, успел гаркнуть взбешенное:

– Дикая лесная кошка! Что ты натворила, идиотка?!

– От идиота и слышу! – прошипела я. Жаль, он не понял, потому что на мне уже был шлем.

Аррадор все-таки изловчился, схватил меня за руку и потащил к люку. Набрав на пульте какую-то секретную комбинацию, он разблокировал дверь и вытолкнул меня в коридор, прямо в объятия спасателей, уже собравшихся вскрывать мою каюту чуть ли не лазерными резаками.

Надо отдать должное, дракониды – ребята сообразительные и, увидев, что я вполне жива, да еще и не одна, сразу разделались. Двое самых экипированных рванули в каюту, готовые ко всем неожиданностям – пожару, пробоине в обшивке, кислотному дождю, прорыву космических врагов... Еще двое попытались перехватить у адмирала спасенную и освободить руки командованию, но тот, разумеется, не дал. Тогда пятый, видимо, медик (у него в руке был белый саквояж с какой-то золотой эмблемой, явно не слесарно-сантехнический), выдвинулся вперед поинтересовался:

– Мне осмотреть пострадавшую здесь, на месте?

– Не нужно. Аль-дэй не пострадала, только ее каюта, незначительно. Девушка с Земли изучала на практике действие нашей сигнализации.

Надо было видеть вытянутые лица драконидов! А я задохнулась от злости: этот... драконидомордый выставил меня перед экипажем полной дурой!

– Тут нужно лишь прибрать, провентилировать и просушить, – распорядился золотоглазый. – И отправь стюарта в мою каюту.

– Будет сделано, аль-тар, – поклонился один из мужчин, видимо старший в пятерке.

Аррадор потянул меня направо по коридору, но я уперлась, схватившись за край дверного проема.

– Куда вы меня тащите? Я тут подожду завершения приборки!

Меня никто не услышал или сделал вид. Мать моя Земля, должен же быть у скафандра переговорник! Кстати, я-то прекрасно их всех слышу!

– Господа, меня украли! Я требую связи с представителями моей планеты! – выпалила я, сверля взглядом медика, как априори наиболее гуманное существо, обязанное помогать всем пациентам.

– Я передам со стюартом успокоительное для вас, аль-дэй, – поклонился он совершенно равнодушно. – Хорошего отдыха!

Ла-а-адно... Я еще сильнее стиснула пальцы в перчатках на краешке люка. Попробуй отцепи.

Аррадор оценил мою хватку и... внезапно отпустил. Меня, разумеется качнуло, я взмахнула руками, удерживая равновесие, тут-то хитромордый драконид и подхватил добычу на руки. И потащил по коридору. На мои вопли не обратил внимания даже мой скафандр, не пожелавший их транслировать вовне.

Похититель шел недолго, десятка два шагов. Не знаю, как он открыл следующий люк, потому что загребущие лапы были у него заняты, но стальная стенка под его взглядом ушла в сторону, и адмирал шагнул внутрь довольно просторного помещения, в котором сразу вспыхнул свет, демонстрируя взгляду интерьер роскошного, но уютного кабинета-гостиной со столом, креслами и мягким диваном с забытой в изголовье настоящей бумажной книгой.

Люк закрылся за нашими спинами, щелкнул блокиратор, и только тогда Аррадор поставил меня на ноги и одной рукой пришил к стене как бабочку, а другой – превратил мой скафандр обратно в комбез.

Я уже не орала – смысл? – сэкономила силы и злобно сверлила взглядом обрамленное растрепавшимися золотистыми волосами красивое лицо морального уroda. И чувствовала себя ужасно. Даже не из-за того, что меня насильно удерживал мужчина. Хотелось откусить себе пальцы, потому что поймала себя на том, что захотелось провести ими по гладкой щеке алтаря. И еще на том, что захлестнувшая меня ненависть внезапно расслабила петлю, и я снова чувствовала жар в сердце, как в тот миг, когда впервые увидела драконида на экране монитора.

Мой взгляд встретился с золотым и жар усилился. Закрывает глаза и стиснула зубы. Нет. Ни за что! Это не мои чувства. Это генетическая предрасположенность к хозяевам, как объяснил мне Габриэль.

Хорошо, что я о нем вспомнила. Приступ жара мгновенно схлынул, сменился приятной прохладой, и я открыла глаза, взглянув на алтаря совершенно равнодушно.

– Успокоилась? – ухмыльнулся он.

Я оскалила зубы, показывая, что ко мне лучше не приближаться без пресловутого противоударного скафандра. Потребовала:

– Убери руку с моей груди.

Он медленно и неохотно опустил конечность, настороженно следя за мной, готовый мгновенно перехватить, если я дернусь.

– Василиса, я читаю тебя как открытую книгу, – он мотнул подбородком на диван, где она и валялась. Сравнение с вещью меня покорило, но этот солдафон не заметил. – Ты – моя аль-дэй. Нужно только, чтобы ты приняла этот факт и смирилась.

– Никогда.

– Это глупо. Ты убиваешь себя сопротивлением. Я просил тебя обратиться к вложенным в тебя знаниям, чтобы нам не терять времени на элементарные истины. Почему ты этого не сделала?

– Во-первых, я до сих пор прекрасно жила без алтаря, даже без знания о твоём существовании, и хочу и дальше оставаться в неведении. Во-вторых, я лучше умру, но ты меня не получишь ни в каком качестве. Ни как любовницу, ни как донора, ни как батарейку, ни как аль-дэй. И если ты посмеешь осквернить меня своими поцелуями, – заторопилась я, потому что он придвинулся ближе, задышал очень уж прерывисто, а глаза потемнели до янтарных, – я убью тебя. В меня вшита капсула с ядом, я сумею отправить тебя в ваш драконидский ад.

– Нет в тебе уже никаких капсул. Пока ты лежала в анабиозе, мы очистили твоё тело от всех посторонних предметов. Сразу же.

– Сволочи.

– Они представляли угрозу для твоей жизни, – драконид улыбнулся и обласкал взглядом мое лицо. – Ты в курсе, что в тебе был чип, готовый убить тебя по приказу командования?

– Конечно. Он вшивается всем нашим после второго курса перед практикой. А я уже перешла бы на четвертый курс, если бы не ты.

– Не буду подвергать сомнениям интеллект вашего руководства, тем более, что чипа в тебе уже нет. Но мы отвлеклись. Василиса, я хотел предложить тебе сделку. Но ты вряд ли оценишь, потому что не последовала моему совету и не знаешь... а ничего не знаешь. Потому давай договоримся так. Ты сейчас спокойно, не делая резких движений и прочих глупостей, садишься на диван, обедаешь и изучаешь сведения об аль-дэй. В конце концов, неужели тебе не интересно, почему и зачем я тебя похитил?

– Нет. Не интересно. Твои цели так и останутся мечтами, обещаю.

– Посмотрим. И так, на чем мы остановились? На обеде и изучении информации. Ты не дура, чтобы не понимать, что твоё поведение глупо. Тебе со мной не справиться, если я захочу причинить тебе вред или подчинить тебя. И, думаю, ты все-таки оценишь, что я не пользуюсь всей полнотой моей власти. Потому что я заинтересован в твоём дружеском расположении, Василиса.

– Дружеском? – фыркнула я.

– Пока да. Если я стану твоим врагом, тебе это не понравится. Итак, располагайся, где тебе удобнее, и приступай к изучению. На столе есть книги, в том числе электронные. Если же ты решишь обратиться к вложенной памяти, то лучше сесть в кресло или на диван. Через пять минут стюард доставит обед по пневматическому шлюзу. Удобства – за серебристой дверью в левой половине каюты. А я пока тебя оставляю, у меня есть и другие дела, кроме укрощения взбесившихся дикарок. Вернусь через два часа. И надеюсь, тогда ты меня выслушаешь. И да, все сигнальные кнопки я заблокировал. Мы быстро учимся.

Усмехнувшись, драконид отступил, освобождая мне место для маневра. Но я не двигалась. Если он уйдет через люк (а как же еще?), я успею его оттолкнуть и сбежать.

– Не разочаровывай меня, – перехватил он мой взгляд на выход. – Тебе все равно никуда не скрыться на корабле, лишь произведешь впечатление больной или сумасшедшей. Ты же не выпрыгнешь в открытый космос. А если думаешь, как в дурных земных боевиках, угнать шлюпку, то это тем более бредовая идея хотя бы потому, что вся наша техника создана по незнакомыми землянам технологиям, и ты не поймешь даже принципов управления... пока не станешь полноценной аль-дэй. Пока ты только заготовка.

Убив меня морально и растерев, драконид совершенно спокойно отвернулся и вышел через открывшуюся при его приближении дверь, которую я даже не заметила в паре метров от нас.

* * *

Оставшись одна, я первым делом осмотрелась.

Ничего лишнего, ни единого личного предмета на поверхности стола, даже карандаша. Пара книг, включая ту, что лежала на диване и плоский предмет, похожий на земной планшет. Впечатление уюта исходило от теплых оттенков и мягких изгибов мебели, от золотистых ненавязчивых узоров на стенах и изысканного декора, превращавшего строго функциональную каюту звездолета в подобие дворца.

Ну да, принц же. Один из наследников правящей династии. Уж не для него ли дракониды собрались выбрать невесту с Земли и везут целый гарем? Тогда зачем он похитил меня?

Придется последовать совету и понять, что от меня хотят получить... чтобы поступить наоборот. Заготовка аль-дэй, говорите? Ну так я ею и останусь!

Покосившись на диван, я решительно подошла к столу, села в кресло, привинченное к полу, и раскрыла толстенную книгу. Неужели ее издали специально для меня на русском языке? А если нет, то смогу ли я читать по-драконидски так же легко, как говорить и понимать их язык?

Смогла. Символы на титульном листе были явно не русскими, они напоминали руны. Но в отличие от более-менее понятных рун, драконидские были слишком многозначны и раскрывали смысл только в зависимости от смысла соседних рун, в контексте. То есть, сама по себе драконидская руна была такой же неопределенной и запутанной, как квантовый спин.

Как и каждый драконид в отдельности...

Я и сама не заметила, как увлеклась чтением. Даже не столько чтением, как... разблокированием и упорядочиванием вложенных в меня знаний. Книга оказалась ключом к ним.

Каждая фраза вскрывала очередной вложенный блок, словно консервы ножом, и я физически ощущала, как выстраивается, проявляется грандиозная панорама драконидской истории и культуры. Все-таки для меня, как будущего ксенолога, это бесценная информация.

Империя раскинулась на десятки обитаемых планет и звездных систем. На заре экспансии дракониды называли себя «иррийцы», по имени звезды Ир-рий (Тубан по-нашему). Их планета-колыбель, как мне уже известно, называлась Ир-ри-той.

Внешне иррийцы почти во всем походили на людей, схожа была и миллионолетняя история эволюции от неразумных гоминидов к человеку разумному. Схожа была история технического прогресса с земным. Но... было что-то еще. Нечто такое, что делало иррийцев-дракони-дов совершенно особенной расой. И проявилась эта особенность как раз после того, как они стали драконидами.

Картинки экспансии, битв, крушений надежд чужой расы и обретений вспыхивали и отпечатывались так ярко, словно я сама их пережила наяву.

Одна беда – уже через полчаса у меня жутко разболелась голова. Пришлось отложить книгу. Тут как раз звякнул приемник пневматического шлюза, крышка автоматически распах-нулась и выдвинулся лоток с обедом. Я сняла поднос с контейнерами и успела заглянуть в шлюз – достаточно ли широк? Не получится ли бежать? Увы, вряд ли. Взгляд сразу наткнулся на перегородку: сделан он был так, чтобы обеспечить герметичность отсеков.

И я снова вынуждена была признать правоту моего врага: не зная устройства звездолета, принципов управления и системы в целом, далеко я не убегу. Это будет самоубийство с особой жестокостью.

Проглотив безвкусное питательное пюре и запив его водичкой, я снова взялась за книгу.

Итак, особенность. И ответ на вопрос, почему раса гуманоидов, почти ничем не отличающихся от людей, стала называться драконидами.

Случилось это, когда на пути звездной экспансии иррийцы обнаружили планету, похожую на наш Сатурн, окруженную поясом астероидов и богатую необходимым для звездолетов веществом – урритом. Кстати, формулу этого сложного соединения веществ справочник мне так и не открыл.

Планета, состоящая из океана и мириада островов, оказалась заселенной огромными летающими ящерами, обладавшими примитивным разумом. И эти твари были так воин-ственные и настроены против пришельцев, что уничтожали слету даже входившие в атмосферу межпланетные челноки, не давая им припланетиться.

Иррийцы, до тех пор не встречавшие особого сопротивления примитивных аборигенов, были ошеломлены. Император созвал Большой совет. Речь шла либо об отказе от захвата и от всех экономических выгод (в том числе от планов по дальнейшей космической экспансии, так как ресурсов уже катастрофически не хватало, а открытие уррита вырисовывало гигантские перспективы), либо о полной зачистке планеты и ее дальнейшем освоении уже без помех.

Казалось, что тут думать, космос перевешивал жизнь нескольких тысяч ящеров. Но тут-то и возникла иррациональная проблема. Разумная жизнь была для иррийцев священна, и отнять ее они могли только если чужая жизнь угрожала их собственной цивилизации, только защищаясь. А какая угроза была империи от каких-то ящеров с крыльями?

У иррийцев не было религии как таковой, они не признавали богов как высших существ и создателей. Но они поклонялись некоему Высшему Разуму, и не могли уничтожить все живое на планете без крайней необходимости, для этого нужно было не просто желание импера-тора, а согласие всего жреческого Большого Вече (я перевела это так). Согласие не было дано, наоборот, было принято решение развить разум ящеров и вступить в контакт.

Кстати, надо напомнить Аррадору, что я, Василиса, еще не сошла с ума, как бы он ни старался, и все еще считаюсь человеком разумным! Где же его священный трепет? Плохой он жрец. Плохой!

Я перелистнула махом с сотню страниц книги, заглянула в конец в поисках оглавления. Звезды... планеты... эпохи... катастрофы... спасение... названия императорских домов... Это все может и интересно, но для меня не актуально. Где там аль-дэй? О-о-о! Как же раскалыва-ется голова! А я еще до самого интересного не добралась!

Меня отвлекло движение воздуха за спиной и ощущение тепла, разлившегося по всему телу. Я крутанулась в кресле и увидела входящего в люк Аррадора. В его руке был закрытый стакан с торчавшей из крышки трубкой.

– Как успехи? – спросил хозяин каюты.

– Плохо, – пожаловалась я. – Тут нет ничего об аль-дэй.

– Не может быть. Держи, тут лекарство, поможет справиться с головной болью. С непривычки тебе должно быть некомфортно.

Не то слово. Буркнув «Надеюсь, тут не яд!», я вцепилась в стакан и присосалась к нагубнику. Аррадор не сводил с меня сверкающего золотом взгляда и жутко нервировал, потому я крутанулась обратно, отворачиваясь, и раскрыла книгу на первой попавшейся странице.

– Ты неправильно пользуешься справочником, Василиса, – после паузы заметил аль-тар.

– Его надо читать с конца?

– Ты аль-дэй. Пользуйся своими возможностями.

– Я заготовка, а не аль-дэй, – не преминула съязвить.

– Но твоя функция уже определена, – возразил этот... функциональный. – Ты – Предстоящая, хочешь того или нет. Если не использовать дар, он начинает давить изнутри, разрывать сознание. Именно потому среди одаренных так много сломанных, что они не используют дар по назначению. Даже ваш род прирожденных аль-дэй вынужден был заниматься каким-то пещерным колдовством, чтобы не перегореть.

– Не смей даже заикаться о моем роде. Кто, как не вы испоганили нашу генетику своим вмешательством?

– Хорошо, поговорим об этом позже, когда ты будешь владеть информацией. Вернемся к ее источникам. Главное – четко понимать, что ты хочешь от той или иной вещи. Ты же знаешь: правильно сформулированный вопрос к поисковой системе – половина ответа. А то, что ты считаешь книгой – это тоже поисковая система. Задай вопрос и открой.

– Так у нас девушки по книгам гадают, – презрительно фыркнула я и захлопнула справочник из принципа.

Аррадор промолчал так укоризненно, что мне внезапно стало смешно. Сдержав смешок, я встала.

– Надеюсь, моя каюта уже высохла и проветрилась? Я бы хотела вернуться.

– Каюта еще не готова. Если у тебя прошла головная боль, предлагаю небольшую экскурсию по кораблю.

О, вот это дельное предложение. Я не инженер, и функциональность систем и приборов не смогу оценить, но получить хотя бы общее представление – этим нельзя пренебрегать. Ну и попробую изменить модель поведения – выключить агрессивно-колючую дикарку и включить наивную деву и священный трепет перед полубожествами-инопланетянами. Восторженный щенок вызовет меньше негатива у экипажа, чем злобно рычащая сука... Тут опять проклятый драконид прав!

Правда, кивнув в знак согласия на экскурсию и сделав первый шаг к выходу, я подкорректировала модель поведения. Никаких щенков. Их обычно дрессируют все, кому не лень.

– Веди, – царственно молвила я, остановившись перед закрытым люком. Очень просилось на язык «смерд», но не стоит переигрывать.

Глава 5

Следующие полчаса я сама себя не узнавала, превратившись в какую-то Снежную Королеву со взглядом налогового инспектора.

Аррадор шел на полшага позади и направлял короткими «направо, налево, прямо». Мы располагались на ярусе командования, находившемся в условной «голове» звездолета, а сама «голова» располагалась в центре огромной конструкции, даже отдаленно не напоминавшей земные космические корабли.

– Здесь сердце корабля, командная рубка, – пояснил Аррадор, когда открылся очередной шлюз.

Мы уже побывали в великолепной рекреационной зоне с бассейном, спортзалом, душевыми и массажными кабинками, в странной «библиотеке» без книг, но с креслами и шлемами, оснащенными 3-4-5d-визорами, в столовой для экипажа (мужчины и женщины с одинаково длинным косами и одинаковых комбезах дружно поднялись и поклонились при нашем появлении), в офицерском безалкогольном баре, в медпункте (целый пустующий лазарет). То есть, функционально звездолет был оснащен так же, как в наших проектах.

Но меня интересовали, конечно, рубка и технические ярусы, потому, пройдя шлюз и оглядевшись, я впервые за всю экскурсию задала вопрос:

– А где приборная панель, провода, дисплеи и прочее?

Округлые стены рубки выглядели абсолютно гладкими, покрытыми позолотой с едва заметным глазу узором. Таким же ненавязчивым, как в каюте аль-тара. В центре небольшого для флагмана помещения метров пятнадцати в диаметре стояли десять кресел, три из них были заняты полулежащими драконидами в полушлемах, скрывающих лица до линии губ.

На гостей никто из них не отреагировал, смотреть тут было абсолютно не на что. Полное впечатление, что капитан (я узнала его по нашивкам на комбезе) и еще двое офицеров просто внаглую спят – слишком безмятежные позы и расслабленные руки на подлокотниках. Один из драконидов показался мне более мелким, похоже, женщина. Даже нигде ни одного огонька не мигало, только ровный свет ламп (кстати, они зажглись только при нашем появлении).

– Ты хочешь показать, что таким огромным флагманом управляют во сне? – повернулась я к gidу. – И всего трое?

– Я хочу показать, что нельзя подходить к нашей цивилизации с мерками твоей родной культуры, аль-дэй, – приподнялись в легкой улыбке уголки губ Аррадора. – И еще – познакомиться с нашим навигатором. Ди-дэй Эмери, удели нам пару минут времени.

Последнюю фразу он произнес так же тихо, но фигурка в центре пошевелилась:

– Да, мой аль-тар. Пару секунд...

Отстегнув ремни и сняв полушлем, женщина встряхнула головой, рассыпая по плечам белые роскошные волосы, выбившиеся из длинной косы, и повернула к нам точеное лицо с синими очами. Чем-то она неуловимо напоминала Снежку. Сердце сжалось: как там моя подруга?

– Простите, аль-тар-дэй, не могу встать как подобает – питательная доза еще будет подаваться минут пять.

Я вздрогнула: очень странное обращение к адмиралу. Или мне послышалось, что женщина слила наши с ним статусные обозначения в одно?

– Я знаю, Эмери, – кивнул Аррадор. – Хотел представить тебя аль-дэй Василесе.

– Счастлива видеть вас, аль-дэй, – склонила голову Эмери. – Вы позволите нанести вам визит сегодня вечером? Я так мечтала, глядя на Землю с орбиты, узнать землян поближе...

– Буду рада, – вежливо улыбнулась я. Если она навигатор, да еще и без предубеждения к земным «дикаркам», то будет интересно пообщаться. А то с некоторыми снобами даже гово-

ритель не хочется. – Позвольте спросить. Я не вижу панелей управления. Их нет, или все сигналы от приборов подаются через шлем прямо на сетчатку глаз?

Женщина растерянно моргнула и перевела взгляд на Аррадора. Тот снисходительно кивнул:

– Ты можешь быть откровенной с моей аль-дэй.

Моей! Я гневно вспыхнула и стиснула зубы – он явно провоцировал меня потерять лицо! – но даже головы не повернула. Все это не осталось незамеченным, – глаза Эмери слегка округлились, но она доброжелательно произнесла:

– Госпожа, я ниже вас рангом, прошу не смущать меня таким обращением, словно я стою на высшей ступени, – ее щеки слегка покраснели от неловкого смущения. Мне стало стыдно, прежде всего за свой непрофессионализм. Это провал как ксенолога – не учесть особенности культуры. – Что касается вашего вопроса, то все приборы и окружающее пространство на несколько аэнов контролируются разумом корабля, я как ди-дэй лишь поддерживаю с ним непрерывную связь. А шлем облегчает концентрацию и визуализацию для остальных членов группы управления.

Я в полном шоке перевела взгляд на едва мерцающие золотистые стены:

– Разумом? Он что, живой? Ваш корабль – живой? Но это невозможно!

– О, нет! Не в том смысле живой, – улыбнулась Эмери, – это не биологический объект, конечно. Но он способен мыслить.

– А, ты имеешь в виду искин? Искусственный интеллект?

Опять этот мгновенный недоумевающий взгляд на аль-тара и полный доброжелательного внимания – на меня.

– Он не искусственный, госпожа. А хотите пообщаться? Вы сразу все поймете сами, – и ди-дэй, не вставая с кресла, в котором была надежно зафиксирована, протянула мне полушлем.

Я попяtilась, отрицательно мотнула головой, хотя, как будущий ксенолог, прекрасно понимала, что привычные нам жесты могут в чужих глазах иметь совсем другой смысл, вплоть до противоположного или оскорбительного.

– Нет, благодарю.

– Это пока бессмысленно, Эмери, – сухо прокомментировал Аррадор. – Василиса еще глуха и слепа как аль-дэй, она не поймет его.

– Госпожа не инициирована? Как же так? – и такое потрясение отразилось на лице навигатора, что мне стало... неудобно. – Но вы же... Ох, простите. Не примите за оскорбление!

Теперь в огромных глазах плескался страх, а ее руки судорожно нащупали зажимы, державшие ее в кресле. Ну вот, теперь она оборвет какую-то необходимую процедуру и еще бухнется на колени. Ужас!

– Все хорошо, Эмери, я не приняла твои слова за оскорбление, – успокоила я разволнованную женщину. Уж кем-кем, но не тобой. Если Аррадор снова хотел уязвить меня, то у него получилось. Солдафон! Нельзя же так грубо и напролом с девушками!

– Благодарю, госпожа. Если вам понадобится моя помощь, можете на меня полностью рассчитывать, – глядя прямо в глаза, отчеканила Эмери, и мне показалось, она вложила какой-то дополнительный смысл, совершенно не стесняясь присутствия командования. Хм... интересно. Это такой прием, чтобы втереться в доверие? Но зачем?

– Возвращайся к своим обязанностям, Эмери, – приказал Аррадор.

Мы покинули рубку, и весь обратный путь я страдала от жгучего желания поколотить напыщенного аль-тара. За все.

И еще. Если ему так хочется, чтобы я узнала об аль-дэй, мог бы и сам кратенько рассказать, подготовить к встрече с экипажем. Или у него язык не поворачивается, настолько все плохо?

Совсем заморочив меня блужданием по коридорам и отсекам огромного флагмана, Аррадор вывел меня на командирский ярус, больше всех блестящий позолотой, и остановился.

– Здесь твоя новая каюта. Чтобы открыть, тебе достаточно подойти вплотную к пластине. Пока ты не инициирована, вход сделан по примитивным технологиям, по радужкам глаз. Твои биометрические данные уже введены в систему распознавания. Следующая каюта – моя. Они сообщаются между собой, но дверь заблокирована с твоей стороны. Блок может быть снят только в случае чрезвычайной ситуации или смертельной опасности для твоей жизни. Отдыхай.

И, повернувшись спиной, спокойно и уверенно отправился прочь по коридору. Демонстративно так бросив меня под дверь. Даже не сомневаюсь, что тут все напичкано камерами. Или... я взглядом обшарила стены. За мной наблюдают не через камеры? Разумный корабль, с ума сойти... Вот с кем надо найти взаимопонимание!

* * *

Аррадор вернулся в рубку и занял одно из пустующих кресел, но не успел надеть шлем гиперсвязи, как дал о себе знать триумф. Для такого рода единения не существовало ни расстояний, ни иных помех, кроме желания самого аль-тара.

«Я здесь», – он откинулся на спинку кресла и устремил взгляд золотых глаз в такой же по цвету потолок.

«Как там твоя пленница? – поинтересовался Кайрен. – Ее брат скоро обшивку корабля разнесет эмоциями. Они у него убийственные и плохо экранируются, даже золотое напыление не помогает, все-таки инициированный ведьмак».

«Василиса лишь сутки на ногах, – буркнул Аррадор. – Отказалась получать знания, причем, неприятие настолько мощное, что даже во время анабиоза работало как фильтр. Она ничего не хочет знать ни о нас, ни о своей миссии. Мне не хватает тебя тут, Кайрен. Все-таки это ты у нас специалист по иным формам жизни и сознания».

«А Эмери ты подключил к решению проблемы?»

«Она сама вызвалась. Женская солидарность, как ты и прогнозировал. Удивительно быстро сработало».

«Отлично. Вместе мы заставим твою аль-дэй принять ее судьбу, я бы советовал подключить и разум Иолра. У него колоссальные возможности воздействия, которое не будет ассоциироваться напрямую с твоей инициативой».

«Нет. Это опасно. Мы не знаем, как отреагирует аль-дей».

«Ты считаешь ее непрерывно. При малейшей негативной реакции можешь все остановить. Подумай, Арр. Как еще спровоцировать инициацию и оставить ее под твоим контролем?»

«Я подумаю, Кай. А теперь я хотел бы услышать доклад о потенциальных невестах».

«Для тебя или твоих братьев?»

«Для них. Как будто ты не знаешь, что я не намерен жениться ближайшие лет сто. Особенно, на тех, в ком есть дар аль-дэй. Из них получают лучшие охотницы и даже, как я читал, любовницы для аль-таров, но худшие жены из возможных. Ты же не будешь жениться на своем оружии или... собаке? Да и сношать их... Мне будет противно».

«Арр, у тебя неправильное отношение к этой девушке, – Кай попытался объяснить, но был прерван напоминанием о докладе. И договорил с ноткой мстительности: – Ничего, если не я, то твои собственные шишки, которые ты набьешь, объяснят твою неправоту».

* * *

Ярослав никогда не считал себя пупом земли, и тот факт, что дракониды ждали его более, чем до последнего, и даже закрыли глаза на то, что он своим опозданием едва не сорвал отлет, казался ему, как всякому нормальному человеку, весьма подозрительным.

Несмотря на угрозы надменного черноволосого нелюдя, перед которым остальные дракониды вытягивались и суровели как перед главным командиром, пока его никто не трогал. И даже саквояж с личными вещами досматривать не стали. А ведь мало ли что он мог с собой протащить? Лишь попросили самому загрузить все вещи в барокамеру для дезинфекции и принять душ.

– Надеюсь, вы вняли инструкциям и не взяли ничего такого, что может не выдержать обработки дезрастворами? – сказали ему.

– Ничего, – буркнул Ярослав.

Мобы вся группа оставила на Земле, как и книги, бумаги и даже документы, – вместо них им должны выдать принятые у драконидов идентификаторы.

Яр переживал только за черный медальон, висевший на груди под майкой, точнее, прилипший к коже так, что не отодрать, и за блокнот в черном кожаном переплете, который так и не было времени открыть. На глазах у посторонних он даже заглянуть внутрь не решился.

Блокнот пришлось загрузить вместе с вещами – спрятать где-то было нереально, слишком пристально за ним наблюдали дракониды. Конечно, Яр обернул бесценную вещь и в свои джинсы, и в непромокаемую ткань военной куртки, которую ему отдала сестра Гэба в последний момент, нагло сняв со своего охранника. Но приоткрылся к горькому разочарованию.

Когда он, полностью нагой, одетый только в цепочку с медальоном, встал под душ, в дезкамере раздался сухой металлический голос робота:

– Ярослав Пасный, медальон следует снять и положить в барокамеру для полной обработки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.